

18+

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

Архаров

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

Вадим Голубев

Архаров. Исторический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798391

ISBN 9785447477806

Аннотация

«Великая книга, читающаяся запоем. Требуется продолжение. Не все события, описанные в романе, имеют историческое подтверждение. Однако, нет подтверждения того, что этих событий не было», – Николай Трапезников, историк. «Роман явно удался. Отличный язык, прекрасный сюжет. Благодарю автора за прекрасную работу», – Виталий Малхасянц, писатель-романист.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Архаров

Исторический роман

Вадим Голубев

Второе издание

© Вадим Голубев, 2020

ISBN 978-5-4474-7780-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Расцвела ты, Машенька, словно прекрасная розочка, – сказала богатая помещица Прасковья Ивановна дочери. – Шестнадцать годков тебе исполнилось. Пора жениха искать.

– Вот и Николенька Архаров письмо прислал. Пишет, что произведен в первый офицерский чин. Теперь он прапорщик Преображенского полка... – потупилась девушка.

– Эка невидаль – прапорщик! – усмехнулась мать. – Двадцать один год парню. Многие его ровесники – уже в генералы вышли!

– Так, они все они из знатных родов – князья, да графы.

– А нам именно такой жених нужен! Ты со своей красотой и богатством любому знатному человеку составишь прекрасную партию. Попадешь через свое замужество к императорскому двору. Станешь его украшением. Там будут у тебя совсем другие возможности.

– Ах, маменька! Разве хорошо за нелюбимого под венец идти?

– Я же пошла! Обстоятельства так сложились. Все мое приданное было: полтина денег, да в сенях веник. Вот и пришлось за твоего папеньку, царство ему небесное, замуж идти. Мне тогда едва пятнадцать исполнилось, а папеньке за сорок перевалило... Ничего, стерпелось, слюбилось. Стала я ему верной женой, доброй хозяйкой в доме. Папенька меня

любил. Баловал, когда в карты не проигрывался или, попав в наш уездный город, кутежи не учинял. Потом приползал с долгами. Мне тогда крепко приходилось крутиться, чтобы по его векселям рассчитаться, да еще приумножить наше имение. Ну а когда папеньку Бог прибрал, тогда я развернулась! Нынче мы самые богатые в уезде и вторые по достоянию в губернии. Не только к тебе – ко мне сватаются.

– Отчего же вы, маменька, не устроили свое счастье? Ведь вам всего тридцать два года...

– Одного кутилу и картежника на другого менять? Какое это счастье?! Ну а Николенька твой кроме офицерского чина, что имеет? Я тебе в приданное в сто раз больше крепостных дам, чем у Архаровых в деревеньке живет! Да еще деньгами, полотнами, землей вашу семью обеспечу... Словом, дочка, кончится распутица – поедем в Петербург. Николенька нам в Питере пригодится. Как офицер лейб-гвардии он во многие сиятельные дома вхож. Введет и нас. Отпиши, чтобы готовился к встрече. Да поторопись! Я завтра Никишку с почтой в уезд отправляю. День-другой и распутица ударит. Тогда две, а то все три недели из имения носа не высунем, – посмотрела Прасковья Ивановна на снег за окном, начавший темнеть под лучами весеннего солнца.

Поднявшись в свою комнату на втором этаже, Машенька села за стол. Положила перед собой стопку дорогой бумаги, потянулась к чернильному прибору. Взглянула на голубое небо, упиравшееся где-то вдаль в серые тучи, которые

уже рвали солнечные лучи. За этими тучами, за лесами да полями служил ее Николенька в славном городе Петербурге, который Машенька видела только на картинках.

Прошлым летом приезжал Николенька в отпуск. Проведать стариков-родителей, да забрать младшего брата Ивана на службу в свой полк. Тогда Николенька зачастил в поместье Прасковьи Ивановны. Если не каждый день, то через день виделся с Машенькой. Они гуляли по французскому парку, окружавшему дом. Бродили по его аллеям, украшенным скульптурами античных богов и героев. Вспоминали детство. Николенька интересно рассказывал о Петербурге. Во время одной из таких прогулок он сказал Машеньке, что любит ее и попросил девушку стать его женой. В ответ она покрыла еще неумелыми, детскими поцелуями лицо гвардейца. Архаров же поцеловал ее в губы, по-взрослому. От этого поцелуя Машенька едва не лишилась чувств. Она с детства была влюблена в Николеньку, выделявшегося своей статностью, силой и умом. Его уже тогда все называли пророком за умение предугадывать события и не по-детски прозорливо разбираться в людях. Делая предложение, любимый попросил подождать, когда его произведут в прапорщички. Сам же он был пока сержантом, хоть и лейб-гвардейского полка, но нижним чином. Поэтому Николенька считал, что находится не в том положении, чтобы обзаводиться семьей. Так и решили: подождать еще год, а пока еще раз проверить свои чувства.

Тогда, на Троицу маменька поехала в уездный город, освятить только что построенный дом. Да что там дом?! Дворец с французским парком, «как в Версале». Правда, маменька, как и Машенька, Санкт-Петербург, видела резиденцию французских монархов лишь на картинках. Да в первый год своего замужества побывала в Царском Селе, созданном по подобию Версаля. Позже она рассказывала, что папенька не удержался – закутил, взялся за карты. Сама императрица Елизавета Петровна приказала ему убраться из столицы, сидеть в своем имении и дальше уездного города не показываться. Когда же папенька на охоте не удержался в седле, упал с коня и разбился насмерть, Прасковья Ивановна воплотила в жизнь свои честолюбивые мечты. На месте старого потемневшего от времени дома в главном имении она возвела дворец. Покупая очередное новое поместье, Прасковья Ивановна перестраивала господский дом на французский манер. Маменька для этого даже завела собственную кирпичную мануфактуру. Вскоре за кирпичом потянулись дворяне и купцы со всей губернии, сделав ее еще богаче. Затем дошла очередь и до хором в уездном городе. Согнанные из всех деревень Прасковьи Ивановны крестьяне под руководством крепостного архитектора, коего специально посылали учиться во Францию, быстро построили новый дворец, разобрали дом, построенный еще при Петре Великом, а на его месте разбили парк.

Хозяйка хотела быстрее освятить строение и отпразд-

новать Троицу званым ужином. Братья Архаровы вызвались сопровождать Прасковью Ивановну с Машенькой. Мать и дочь сели в возок, а Николенька с Ивановым поехали верхом. Стоял чудесный летний день. Братья шутили, смеялись ответным шуткам маменьки. Внезапно из кустов выскочили шестеро разбойников. Один из них схватил лошадей под уздцы. Остальные кинулись к возку, застучали в дверцу кистенями и рукоятями пистолетов.

– Сейчас мы с барыньками потешимся! – загоготали они.

Атаман грабителей выстрелил в сторону братьев из мушкетона.

– А ну, барчуки, слезайте с коней! – грозно приказал главарь.

Иван взялся за шпагу.

– Не пачкай, брат, оружие! – остановил его Николенька. – С этими упырями я сам разберусь!

Сержант направил коня в гущу разбойников. Со свистом легла плеть на руку одного из грабителей, выбив из нее пистолет. Ударом ноги Николенька свалил его на траву. Закружился на коне среди бандитов, щедро угощая их плетью и ударами ног. Кого не доставал служивый, доставал его конь своими копытами с новыми подковами. Опрокинув разбойников на дорогу, Николенька спешил. Он выдернул из возка запасную оглоблю, которую Прасковья Ивановна всегда приказывала брать с собой «на всякий случай». Взмах, и оглобля с треском переломила плечо атамана, успевшего под-

няться и выхватить из-за пояса пистолет. Еще взмах, и другой разбойник с перебитыми ногами полетел на дорогу. Новый взмах, и еще один грабитель рухнул, брызнув выбитыми зубами. Следующего разбойника Николенька ткнул оглоблей в живот, словно пикой. Тот, охнув, повалился на спину. Сержант почувствовал, что сзади к нему подирается еще один бандит. Он крутанулся, ударив нападавшего оглоблей в шею. Затем Николенька дубасил оглоблей поверженных противников, пока те жалкие и покалеченные не запросили пощады. Не подвел и кучер Никишка – достал кнутом разбойника, державшего лошадей под уздцы, выстегнул ему глаз. Затем пинками и кнутом пригнал его к Николеньке. Тот вытянул грабителя оглоблей по спине. Потом разбойников связали веревкой и потащили за возком в город. Там Николенька сдал шайку военному коменданту.

– Год эти воры куролесили в уезде, – рванул комендант за бороду главаря банды. – Многих они погубили: дворян, купцов, мелких торговцев, простых мужиков. Даже не за копейку – за полушку жизни лишали! После Троицы будем их пытать и судить. Потом будет экзекуция. Ты воров изловил – тебе экзекуцией командовать!

– Я – человек военный. Воров изловил и представил. А вот от командования экзекуцией меня увольте, господин премьер-майор! Я не палач, не судья и не полицейский чин!

– Ты, лейб-гвардии сержант, устав помнишь? Что полагается за отказ выполнить приказ, помнишь? – нахмурился ко-

мендант, но тут же смягчился. – Ладно, неволить не буду! Ты как-никак сынок моего старинного приятеля Петра Ивановича Архарова. Вместе с батюшкой твоим службу начинали. А в полк про твое геройство я опишу. Буду просить, чтобы тебя поощрили за храбрость.

Николенька рассказал про это возлюбленной. Потом он с Иваном и маменькой ходил смотреть экзекуцию. Машеньку с собой не взяли. Прасковья Ивановна не велела. Сказала, что незачем девице на выданье такие страсти смотреть. Правда, потом дворовые девушки, ходившие на казнь, в подробностях обсуждали между собой, как секли кнутом разбойников, вырывали у них ноздри, раскаленными клеймами выжигали на щеках и лбах слово «вор». Как после повесили атамана бандитов и его брата, а остальных швырнули в телегу и под охраной драгунов повезли в губернский город. Оттуда путь осужденных лежал в Сибирь на вечную каторгу. От этих разговоров Машенька чуть не упала в обморок. Хорошо, что маменька услышала, прикрикнула на девчат и даже кого-то стукнула по голове веером.

До этого и после были балы, ужины, обеды. Машенька в танцах, разумеется, отдавала предпочтение Николеньке. Все удивлялись, сколь ловок он в минуете, экосезе, польском танце. Ясность внес драгунский ротмистр, с завистью изрекший:

– Сразу видно: столичное обхождение! Куда нам – вахлакам с лейб-гвардией тягаться!

Потом было расставание, жаркие николенькины поцелуи, его клятвы в вечной любви. Поклялась в ней и Машенька, пообещавшая любимому ждать его хоть десять лет.

– Маменька решила по своему, – нахмурила лобик девушка, но тут же рассмеялась. – Ничего! Николенька, что-нибудь придумает, и мы будем счастливы. Не зря его пророком прозвали!

Глава 2

Недолго, менее полугода, царствовал император Петр Федорович, но сумел нажить за это время множество врагов. Новый монарх ненавидел Россию и презирал русских. Прибывший из Голштинского герцогства будущий император уже в пятнадцать лет был законченным алкоголиком. Долгие годы, проведенные в России, лишь усугубили болезнь. Даже искушенным царедворцам, смотревшим на это деградировавшее, вечно пьяное существо не верилось, что перед ними внук Петра Великого и племянник его мудрой дочери Елизаветы Петровны. Сама царственная тетка называла Петра Федоровича «чёртушкой голштинским». Едва Чёртушка взойшел на трон, как его сразу возненавидели царедворцы и военные. Не стало хода по службе русскому человеку. На все должности назначил Петр III привезенных им из Германии немцев. Запретил новый монарх награждение за ратные подвиги и успехи в «статской» службе крепостными крестьянами. Однако тут же роздал двенадцать тысяч крепостных мужиков вместе с семьями «своим – немцам». К моменту смерти Елизаветы Петровны Россия вела войну с Пруссией. За семь лет тяжелой борьбы русские войска перемололи армии прусского короля Фридриха. Тот был уже готов просить мира, но Чёртушка сам предложил мир пруссакам. При том на их условиях – на условиях побежденных. Оставший-

ся рано сиротой Петр Федорович, подвергался насмешкам, издевательствам, побоям со стороны взрослых, даже лакеев. Лишь Фридрих не третировал несчастного ребенка. Всегда готов был приласкать его при встрече, поднести не очень дорогой презент. Этой доброты не забыл повзрослевший наследник российского престола. Ну а все слои русского общества расценили мир как предательство. Оказалось, что предавал новую родину Петр Федорович все годы войны. Он сам проболтался по пьянке, что сообщал пруссакам все известные ему данные о численности русских войск, направлении их ударов. Доставляли эти сведения противнику адъютанты-немцы престолонаследника, беспрепятственно мотавшиеся между Россией и Пруссией не смотря на военные действия. Король Фридрих оценил «заслуги» Чёртушки, наградив его высшим прусским орденом. Сию награду Петр Федорович повесил на кафтане выше российских наград. При этом заявил, что единственным великим человеком, которого он знал, является прусский король Фридрих, и отныне его надлежит именовать «Фридрихом Великим». Следом монарх повелел одеть русскую армию в тесные мундиры прусского образца, перейти на прусский строевой шаг, сразу же прозванный «гусиным». Учиться маршировать по-пруски император заставил не только военных, включая высших генералов, но и царедворцев, и даже сугубо штатских людей – академиков. Очень любил приезжать в Академию с «инспекциями» и устраивать ученым смотры, раздавая им тумачи,

и награждая пинками. Больше других тузил государь Президента Академии графа Кириллу Григорьевича Разумовского, за его неспособность чеканить шаг и управляться с тяжелым солдатским ружьем.

Совсем не по-царски вел себя Петр Федорович. Корчил рожи, нередко без всякого повода. Поддавал под ребра придворным – князьям и графам. Очень любил государь выбить из рук лакея поднос, да так чтобы находившиеся на нем яства с винами на кого-то обрушились. Тогда император, коему перевалило за тридцать, радовался словно ребенок. Словно ребенком крутила им любовница – Елизавета Романовна Воронцова. Слава Богу, что взбалмошная и безалаберная графиня не лезла в государственные дела. Елизавета, как называли ее за глаза, довольствовалась возможностью раскрутить Чёртушку на новые украшения или дорогуший наряд, поиздеваться над кем-нибудь. Особенно доставалось законной жене монарха – императрице Екатерине Алексеевне. С подачи фаворитки, ее во время обедов и ужинов сажали не рядом с супругом, а в дальний конец стола, где сидели наименее уважаемые царем персоны, которых он вынужден был терпеть, подчиняясь правилам дворцового этикета. Елизавета Романовна подпаивала и науськивала любовника на супругу. Тот, распаяясь, плескал в нее через весь стол вино, швырял объедки, материл. Немцы-лизоблюды гоготали над царскими «шутками». Сердца же русских людей наполнялись скорбью при виде слез, роняемых Екатериной Алексеевной.

Доставалось от Лизаветы и самому Петру Федоровичу. Тот был ветреным мужчиной и частенько оставался ночевать с певицами из итальянской оперы. Вернувшись во дворец под утро или через несколько суток, император попадал под крепкие кулаки фаворитки. Он пытался обороняться, даже хватался за шпагу. Да куда тщедушному Петру Федоровичу было совладать с коренастой, ширококостной Лизаветой. Отдубасив неверного любовника, та прощала его «шалости». Сам государь при этом вспоминал русскую поговорку: «Бьет – значит любит». Все чаще посещало его желание развестись с супругой, постричь ее в монахини и жениться на Лизавете.

Рассказы царедворцев, лакеев, офицеров и солдат, охранявших монарха, о его неадекватных поступках, словно круги по воде расходились от императорских дворцов. Они становились достоянием всех слоев русского общества. Все чаще вместо довольно ласкового прозвища Чёртушка звучало более обидное: Дурак. Прошло совсем немного времени, а Петра Федоровича ненавидели все русские от фельдмаршала до последнего дворника. Словом, не ко двору пришелся новый царь.

Разумеется, высшие аристократы составили анти-петровский заговор. Его возглавили президент Академии наук Кирилл Григорьевич Разумовский и воспитатель престолонаследника Павла – Никита Петрович Панин. Князья да графы желали после свержения Дурака посадить на трон его

малолетнего сына Павла. Ну а пока новый император не повзрослеет, страной надлежало управлять регентскому совету, в который вошли бы все руководители заговора. Совсем другое мнение имели офицеры лейб-гвардии, возглавляемые братьями Орловыми. Справедливо полагая, что все плоды дворцового переворота достанутся лишь небольшой кучке вельмож, они решили возвести на престол Екатерину Алексеевну. Ходили слухи, что та уже несколько лет сожительствует с Григорием Орловым. Даже прижила от него сыночка, до поры до времени отданного на воспитание в семью ее камердинера Шкурина. Говорили, что в отсутствие Григория Екатерина делит постель с его братом Алексеем. Через братьев Орловых военные желали управлять императрицей и всей Россией.

В эти планы посвятил Николая сам Алексей Орлов – приятель и сослуживец по полку. Мало того, отвез в Петергоф и представил императрице. В тот день она утешалась новым развлечением – «битвой богов с титанами». Григорий Орлов, игравший роль бога морей Нептуна, перекидывая с руки на руку «палицу» – метрового осетра, поигрывал великолепными мускулами на песчаной арене. Григорий, действительно, был прекрасен как бог. С ложа, увитого ранними розами из оранжереи, на него взирала «богиня Афродита» – императрица Екатерина Алексеевна. Царица была облачена в прозрачные одежды, подчеркивавшие достоинства ее фигуры. Вокруг арены расположились фрейлины в прозрачных

туниках. С ними переговаривались, приняв картинные позы, придворные щеголи – приближенные государыни.

К приезду Алексея и Николая Григорий Григорьевич успел победить пару противников. Один, тяжело дыша, сидел под кустом сирени. Другого отливали водой лакеи.

– Экий гвардеец! – вызывающе смерил взглядом статного Архарова Григорий и, кивнув на Екатерину Алексеевну, спросил. – Не желаешь ли со мной побиться за обладание сей Афродитой? Матушка-государыня сама такую награду назначила победителю...

– Что я – совсем глупый – с вами биться, господин капитан? – усмехнулся Николай. – Да и есть у меня своя Афродита.

– Ради нее, – встрял Алексей Орлов. – Он с нами пить и кутить бросил. По девкам ходить перестал!

– Правильно делаешь, что не хочешь со мной сражаться, – надменно произнес Григорий Григорьевич. – Я, вцепившись в колеса кареты, тройку лошадей на скаку останавливаю.

– Думаю, нет человека, который смог бы с вами совладать, – польстил фавориту Архаров.

– Есть один, – помрачнел Григорий Григорьевич. – Ивашка Барков – копиист и переводчик Академии наук. Пропойца и шкандалист. С виду – тщедушный, но во время драки в такой раж входит, что даже мы – братья Орловы – впятером его одолеть не можем. Говорят, твой приятель...

– Знаком, однако, в дружеских отношениях не состою.

Вирши пишет весело, но он – человек статский. Нет у нас общих интересов.

– Какой Барков? – услышала разговор Екатерина. – Тот, у которого между ног столь большое «достоинство», что ему даже публичные девки в утехах отказывают? Читала его срамные оды... Единственный человек, коего, будь моя власть, я бы из столиц выслала.

– Он, ваше величество, не только похабщину пишет, – учтиво поклонился Архаров. – Его переводы с древних языков высоко ценят в Академии наук. Тот же Ломоносов... Сему Баркову строгое и вместе с тем гуманное отношение нужно. В Академии же его то до небес возносят, то публично дерут, как сидорову козу...

– Посторонись, любезный! – грубо толкнул в спину Николай рослый обнаженный красавец. – Я желаю сразиться с Нептуном!

– Сам, князь, захотел, – недобро усмехнулся Григорий Григорьевич.

– Ну а после поединка с Нептуном, я пришлю вам своих секундантов! – кивнул князю Архаров.

– Думаю, этого не понадобится, – процедил сквозь зубы Григорий Орлов и приказал лакеям. – Подайте осетров со льда!

Принесли подмороженных осетров, превратившихся на холоде в подобие увесистых дубинок.

– Пусть победит достойный! – произнесла Екатерина,

в голосе которой почувствовалось беспокойство, и бросила на песок лилию.

Князь, словно мечом, рубанул Григория Григорьевича сверху вниз, норовя попасть в голову. Орлов выбросил вверх руки с зажатой в них головой и хвостом рыбины, отразил удар. Выпустив голову осетра, Орлов сам нанес рассекающий удар в грудь противника. Князь охнул, покачнулся. Из раны на его груди струйкой потекла кровь. Он внезапно нагнулся, ударил острой спиной рыбы по ногам капитана. Тот резво подпрыгнул. Оружие князя со свистом прошло под ногами Григория. Орлов, оказавшись на песке, опустил свою рыбу на спину соперника. Князь, получив жестокий удар по спине, со стоном попятился, теряя равновесие. Орлов продолжал крушить противника. Все ниже и ниже сгибался противник Григория. Наконец, князь под градом ударов распластался на песке. Орлов тюкнул поверженного врага в висок острой рыбьей мордой. Соперник, вытянулся на песке, не подавая жизни.

– Да ты, брат, его убил, – протянул Алексей Орлов.

– Так и было задумано. Дурак подослал князя, чтобы он скомпрометировал матушку-императрицу. Меня об этом наши друзья-царедворцы предупредили, – ответил Григорий Григорьевич и грозно глянул на Николая. – А тебе, Архаров, деваться некуда! Ты слишком много узнал. Или с нами, или не уйдешь отсюда!

– У меня, как и у всех русских людей, Дурак поперек

печенки сидит. Поэтому, стращать меня не надо! Не сегодня-завтра сам бы к вам пришел.

Глава 3

За собраниями заговорщиков, быстро перетекавшими в попойки, пролетела пара недель. Затем приехали Прасковья Ивановна с Машенькой. Архаров встретил их у городской заставы. Показал кучеру, как проехать к небольшому домику двоюродной сестры помещицы – вдовы статского советника Агафьи Еропкиной.

– Мы у тебя, Агафьюшка, ненадолго задержимся, – молвила троекратно расцеловавшись с родственницей, Прасковья Ивановна. – Пока свой дом не купим, проживем, коли позволишь...

– Хоть год живите, сестрица! – ответила Еропкина. – Только не обессудьте на нашу тесноту. Муж мой покойный, Гаврила Сергеевич, взятки не брал, казну не крал. Ну а с трудов праведных не наживешь палат каменных.

– В тесноте, да не в обиде, Агафьюшка! Девки-служанки у тебя в людской проживут, а мужики и на дворе ночевать могут – уже тепло! Тебя, Николенька, – повернулась Прасковья Ивановна к Архарову. – Попрошу помочь подыскать нам дом. Машенька – невеста на выданье. Ей в приданое хороший дом нужен, с колоннами и садом. За деньгами я не постою! И еще – нам нужно попасть во дворец, на куртаг к государю императору.

Архаров не успел ответить. В гостиную, где шла беседа,

втерся денщик Алексея Орлова.

– Так, что его благородие господина прапорщика сержант Алексей Григорьевич Орлов приглашает незамедлительно прибыть!

– С каких это пор сержант командует офицером? – нахмурилась Прасковья Ивановна.

– Дело большой государственной важности. Я сам сказал сержанту, где меня найти, – ответил Николай. – Кстати, у него я встречу с персонами, приближенными к императорскому двору. Попрошу их представить вас государю.

В сенях Машенька прижалась к Архарову, покрыла его лицо поцелуями.

– Люблю, люблю! – страстно шептала она. – Маменька хочет выдать меня за знатного человека. Мне никто, кроме тебя, не нужен! Ты – моя любовь, моя отрада! Придумай что-нибудь!

– Обязательно придумаю, солнышко мое! – Николай прижал ручки девушки к губам. – На этих днях могут произойти великие события. Может так случиться, что сама Прасковья Ивановна пожелает в зятя только меня. Но сейчас прости, любимая! Долг зовет. Не знаю, скоро ли мы свидимся, – крепко поцеловал Машеньку в губы Архаров.

– Машенька! Куда ты запропастилась? – раздался из гостиной недовольный голос Прасковьи Ивановны.

– Иду, маменька! – еще раз поцеловала девушка любимого.

К удивлению Архарова заговорщики не пили. С ними говорил близкий к Екатерине человек – Никита Петрович Панин.

– Дурак наш последние мозги растерял. Подписал указ, чтобы священники с диаконами сбрили бороды и отныне носили пасторскую одежду. Потребовал, чтобы из храмов божьих убрали православные иконы...

– Удавить Дурака мало! – вырвалось у простодушного Архарова.

– Мы – люди просвещенные, – с улыбкой ответил Панин. – Когда скинем Дурака, вышлем его назад, в Германию. А сейчас надо спасать царицу. Чёртушка одержим идеей постричь ее в монахини. Сегодня ломился к государыне в покои. Шпагой исколол все двери. Потом устал, как всегда, когда пьяный, обоссался и уехал в Ораниенбаум. Императрица же Екатерина Алексеевна пребывает сейчас в Петергофе. Ее надобно оттуда вывезти...

– Я с Архаровым знаю, как обойти посты, – поднялся Алексей Орлов. – Мы вывезем государыню.

– Мы, господа офицеры, расходимся по полкам, поднимать солдат! Часть из нас арестовывает царских приспешников в Питере, другая часть, во главе со мной направляется в Ораниенбаум свергать Дурака.

– Господа, – обратился Панин к Алексею Орлову и Архарову. – Возьмите мою карету. Я как воспитатель престолонаследника имею право въезда во все императорские дворцы

в любое время. Кучер знает, куда подогнать экипаж.

– Ну а мы знаем расположение покоев и сможем незаметно вывести императрицу из дворца.

Лишь под утро Орлов с Архаровым достигли Петергофа. Кучер направил тройку по неприметной дороге у лютеранского кладбища. По ней с конюшен подгоняли кареты ко дворцу. Около всегда распахнутых ворот дежурила шестерка вечно хмельных голштинцев.

– Куда в столь ранний час? – покачиваясь, подошел к карете сержант.

– Ткни нос в герб, морда немецкая! Никита Петрович Панин – воспитатель престолонаследника пожаловал. Ему дозволено пребывание во дворце в любое время дня и ночи, – дерзко ответил кучер и тут же протянул сержанту штоф водки. – Это вам, служивые, за беспокойство.

– О, водка! Гут! – принял выпивку сержант и махнул рукой солдатам, чтобы пропустили.

Уже у черного входа Архаров спросил кучера:

– Что же ты, братец, нас повез через посты? Мы знаем, как попасть во дворец в обход!

– Тут я карету прямо к дверям подогнал. А так пришлось бы государыне по парку, по росе шагать. Да и цесаревича Павла Петровича на руках донести до кареты легче. У дверей мой свояк – дворцовый гайдук сегодня дежурит. Он вас пропустит. Я же с лошадьми останусь. За немчуру-часовых не извольте беспокоиться: моей водочки вы-

пьют – до полудня проспят!

Пропущенные гайдуком Орлов и Архаров быстро нашли покои Екатерины. В гостиной перед спальней, развалившись в креслах, потягивали вино двое офицеров-голштинцев.

– Куда? – пьяно икнув, преградил путь к спальне немец. – Никого пускать не велено. Самим императором...

– Отчего такие строгости? – оценивая противников спросил Орлов.

– Оттого что Катька – уже не царица. Утром ее постригут в монахини. Новая государыня у России будет. Елизавета Романовна Воронцова! – презрительно зевнул офицер.

– У меня приказ от императора! – нагло соврав, полез за пазуху Орлов. – Сейчас достану пакет. Куда он запропастился?

Внезапно Алексей широко раскинул руки, схватил немцев за шиворот, стукнул их лбами и швырнул в разные стороны. Потеряв от мощного удара сознание, голштинцы грохнулись на пол.

– Архаров! Присмотри за ними! – шепнул сержант и заскребся в двери спальни. – Государыня, откройте! Это я – Алёша Орлов.

Несмотря на ранний час, Екатерина была одета. В ее постели спал маленький Павел. Сонного ребенка завернули в одеяло и направились к выходу. Один из голштинцев начал приходить в себя. Он стоял на четвереньках и, мыча, крутил головой. Орлов дал ему крепкого пинка, от которого немец

влетел головой в камин и затих.

– Тихо! – застыл у дверей Архаров. – Двое сюда идут, говорят по-немецки.

– Говорят, что слышали шум, надлежит проверить: не пытаюсь ли я сбежать, – перевела Екатерина.

– Ваше величество! – подал царице спящего ребенка Архаров.

Освободив руки, он распахнул двери. На пороге стояли два офицера. Один с пистолетом в руке, другой со шпагой. Николай бросился на ближайшего к нему. Родовым приемом Архаровых, передаваемым из поколения в поколение, он вывернул руку голштинца, выхватил из нее пистолет и ударил им противника по темечку. Хуже пришлось Орлову. Тот не успел достать оружие. Его противник нанес удар шпагой. Алексей схватил подвернувшееся под руку полу-кресло и прикрылся им. Клинок застрял в обивке. Орлов подтянул к себе немца пытавшегося освободить оружие и ударил его ногой в живот. Подскочивший Архаров добил дежурного, стукнув рукоятью пистолета по голове. Выйдя через черный ход, императрица с цесаревичем и офицерами села в карету. Дворцовый гайдук заскочил на запятки, шепнув Орлову, что теперь ему нельзя оставаться в Петергофе.

На выезде у ворот качались трое пьяных голштинцев. Еще трое храпели чуть поодаль.

– Стой! Почему так рано уезжаете? Зачем гайдук на запятках? – остановил сержант. – Хочу осмотреть карету!

– Тебе же сказано, черт нерусский, что Никита Петрович Панин едет, – остановил лошадей кучер.

– Откройте! – стукнул в дверь сержант и рухнул от удара в лоб, нанесенного Архаровым.

Николай выпрыгнул из кареты, прокатился по траве, ударил ногами голштинца, вскинувшего ружье, свалил его. Оседлав противника, он нанес несколько мощных ударов по лицу. Рядом Орлов увернулся от направленного на него протазана, перехватил руки немца и бросил его через голову. Затем ударил сидящего врага коленом в шею.

– Болван! – сказал Алексей кучеру, когда все было кончено. – Зачем остановил? Давить их следовало!

– Что я, барин, душегуб какой? – ответил кучер. – Они – солдаты: люди подневольные. А если, что натворили – на то есть суд Божий и суд военный!

– Вот тебе, Алёша, достойный ответ простого русского человека! – впервые улыбнулась императрица.

Архаров взял на руки так и не проснувшегося Павла. Екатерина уткнулась в плечо Орлова, нежно поглаживая его по щеке. Временами государыня целовала Алексея. Архаров же предпочел прикидываться при этом спящим, помня солдатскую присказку, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Глава 4

Питер ликовал. Народ высыпал на улицы. Вороватая чернь растаскивала имущество из разгромленных домов голштинцев и их русских прихвостней. Дворцовую площадь заполнила лейб-гвардия.

– Дорогу матушке-императрице! – кричали пересевшие на козлы Орлов и Архаров.

У парадного входа Екатерину Алексеевну встречали руководители заговора.

– Приморил лошадей! Совсем приморил! – строго посмотрел Панин на кучера.

– Закончим дело, выберешь любую тройку из императорских конюшен! – молвила Екатерина, поднимаясь по парадной лестнице. – И еще назначь цену за этого молодца-кучера. Я его выкуплю и дам вольную. Мне нужен военный мундир. В нем по такому случаю лучше речь держать перед моими гвардейцами. Манифест о низложении Петра Федоровича подготовлен?

– Вот, Ваше величество, манифест о низложении Петра Третьего. А вот – манифест о его отречении от престола. Оба уже отпечатаны в типографии Академии наук. Мы отправили их в Кронштадт, Петергоф, Царское село, – Кирилл Григорьевич Разумовский положил на стол в тронном зале документы.

– Перо и чернила! – приказала императрица, пробежав глазами по бумагам. – Здесь и здесь будут поправки. Копии есть?

– Пожалуйте, Ваше величество!

– В копии внести поправки и в типографию. Отпечатать для провинции! С оригиналом я буду держать речь перед лейб-гвардией и народом.

– Иди-ка сюда, Талызин! – окликнул Григорий Орлов подпоручика Семеновского полка. – Ты по комплекции – аккурат государыня. Снимай, брат, мундир! В нем Екатерина Алексеевна речь перед лейб-гвардией держать будет. А пока мой плащ накинь!

Речь Екатерины Архарову выслушать не удалось. Григорий Орлов отвел его в сторону.

– Возьмешь конную роту преображенцев. Будешь сопровождать Никиту Петровича Панина в Ораниенбаум. После речи государыни лейб-гвардия во главе с ней выступит следом. Надобно, чтобы Дурак до приезда Ее Величества подписал манифест об отречении.

В Ораниенбауме Петра Федоровича не застали. Он поехал в Петергоф отдавать жену в монахини. Архаров отправил солдата с донесением к Екатерине, чтобы она с гвардией направлялась туда. Панин сообщил придворным и челяди, что император низложен.

– Нам уже привезли манифест, – ответили ему. – Голштинцы, послушав его, словно тараканы разбежались.

В Петергофе императора тоже не застали. Оказалось, что отпечатанный в типографии манифест доставили и туда. Прочитав документ, по совету фельдмаршала Миниха Петр Федорович направился морем в Кронштадт. Оттуда он намеревался отплыть в Ревель и, опираясь на верные войска, наступать на Петербург. Одновременно с Архаровым и Паниным прибыли гонцы из Кронштадта. Они переправились на лодке, а затем сушей добрались до Петергофа.

– Приплыл к нам Дурак, да мы ему ответили, что нет больше императора Петра Федоровича. А есть императрица всероссийская Екатерина Алексеевна, коей мы присягнули на верность. Да пару раз по его галере из пушек пальнули. Скоро он должен назад вернуться. Мы когда сюда скакали, передали всем береговым постам, чтобы не давали Чёртушке нигде, кроме Петергофа причалить.

– Где воинство голштинское? – обратился Архаров к дежурному камергеру.

– Разбежалось, стоило государю отплыть. Только семеро, что вы ночью покалечили, остались. Совсем плохие! Мы их перевязали и заперли в подвале.

– Отпустите! – распорядился Панин. – Эти вояки уже не опасны... А вот и Дурак появился.

К причалу подошла небольшая галера. С нее сошли Петр Федорович с Лизаветой, генерал-фельдмаршал Миних, несколько царедворцев. Гвардейцы окружили их. У всех отобрали шпаги, поддав при этом под бока. Затем отвели задер-

жанных в находившийся на берегу залива дворец Монпле-
зир. Чёртушка потребовал выпивки. Ему поднесли рюмку
коньяка и кружку пива.

– Подпишите, ваше величество, манифест об отречении
от престола! – Панин положил перед императором доку-
мент. – Нет смысла противиться. Все равно вы уже низло-
жены, а Россия с радостью присягает государыне Екатерине
Алексеевне. Скоро она с войском будет здесь.

– Пока не переговорю с Катькой, ничего не подпишу! –
оттолкнул бумаги Петр и, пустив под себя лужу, уснул на ди-
ване.

– Подайте мне какой-нибудь возок! – распорядился Па-
нин. —Ноги у меня старые – ходить тяжело. Дождусь госуда-
рыню в Большом дворце. Арестованных, кроме бывшего им-
ператора, отправить пешком следом за мной! Пусть во вре-
мя «прогулки» подумают о своих прегрешениях. Ты, бра-
тец, Архаров, кажется, глаз с Петра Федоровича не спускай!
Не дай Бог, руки на себя с горя наложит, а нам отвечать...

Ждать пришлось недолго. На холме у Большого дворца
ударил ливень, запели серебряные трубы, раздались кри-
ки: «Виват!» В возке, которым убыл Панин, прикатил Та-
лызин. Подпоручик все еще был в плаще Григория Орло-
ва. Вместе с Архаровым они перенесли Чёртушку в повоз-
ку и доставили пред светлы очи царицы. У парадного крыль-
ца на голову Петра Федоровича вылили ушат холодной во-
ды и слегка протрезвевшего ввели во дворец. В тронном за-

ле Екатерина ждала в окружении придворных и гвардейских офицеров. Отдельной группой стояли спутники бывшего монарха, отделившись и отвернувшись от его любовницы. Поверх мундира, взятого у Талызина, лежала голубая лента ордена Андрея Первозванного.

– Кто посмел возложить на эту глупую бабу высшую награду империи?! – указал перстом Чёртушка на ленту.

– Русский народ посмел! – дерзко ответил Григорий Орлов. – Подписывай, Петр Федорович, манифест об отречении! Да присягай матушке-государыне на верность! Все твои холоуи, включая Миниха и девку твою Лизавету присягнули!

– Подготовьте новый манифест, по которому Катька будет моей соправительницей! Дарую ей право принимать решения по важнейшим вопросам, минуя меня! – икнул Чёртушка.

– Супруг мой! – строго сказала Екатерина Алексеевна. – Сев на русский престол, вы сели не в свои сани. Оттого пришли не ко двору всем русским людям. Меня подданные не поймут, коли я пойду к вам в соправительницы! Подайте ему вина!

Принесли большой кубок с вином.

– Пей, Петр Федорович! – поднес царю кубок Григорий Орлов. – Твое любимое – рейнское...

Чёртушка одним глотком осушил вместительный сосуд.

– Хорошо! Я подпишу эту бумажку, но с условием, чтобы меня отправили домой – в Голштинское герцогство! А еще

лучше – в Пруссию, к Фридриху Великому. Хочу, чтобы со мной отпустили Лизавету Воронцову!

– Подписывайте, супруг мой! – указала императрица на столик с чернильным прибором и документом. – Я подумую о вашей просьбе. Подайте ему еще вина!

Осушив кубок, Петр Федорович, рыдая, подписал манифест об отречении от императорской власти.

– Пока не улягутся волнения, вам, супруг мой, придется пожить в Ропше. Я отправила туда Алексея Орлова. Сейчас он готовит для вас покои. Передайте пятьсот рублей Петру Федоровичу на личные расходы.

– Ненавижу Ропшу! – затопал ногами, словно ребенок, Чёртушка. – Ненавижу эту противную деревню, этот мрачный дворец!

– Подайте ему еще вина! – устало молвила государыня и кивнула Григорию Орлову с Архаровым. – Вам, господа, предстоит отвезти бывшего императора в указанное мною место! Ты, Григорий Григорьевич, доставишь государя и назад – в Питер. Тебе, подпоручик, если мне не изменяет память, Архаров, придется побыть при августейшей персоне моего супруга.

– Так, точно, Ваше величество, я – Архаров, – шелкнул каблуками Николай. – Только я пока – прапорщик.

– Уже – подпоручик, – улыбнулась Екатерина Алексеевна. – Рескрипт о производстве в этот чин и шитье на мундир тебе привезут в Ропшу.

– Премного благодарен, Ваше величество! – опустился на колено Архаров.

– Деньги эти, – указала государыня на внесенный большой кошелек. – Ты, подпоручик побереги, чтобы муж мой их по растерянности или, злоупотребляя горячительными напитками, не потерял. Да и в Ропше челядь такая, что украсть может... Ну а мы, господа, возвращаемся в Питер!

Оставшиеся в зале Григорий Орлов, Архаров и Никита Петрович Панин услышали громкий храп. Низложенный император спал, свернувшись на банкетке. Рядом, опустившись на колени, гладила его по редким волосикам, выбившимся из-под съехавшего парика, Лизавета Воронцова. Она ласково смотрела на любимого, смахивая слезы.

– Посторонись, сударыня! – оттер ее Григорий Орлов.

Взвалив на плечо, словно сноп, Петра Федоровича он понес Чёртушку к дверям. Подхватив ридикюль, за ним устремилась Воронцова.

– Ты, куда?! – преградил ей дорогу Панин.

– Умоляю! Дозвольте сопровождать императора! – бросилась ему в ноги фаворитка. – Хоть в Ропшу, хоть в Сибирь!

– Тебя, матушка Лизавета Романовна, велено доставить в отчий дом, под надзор родителей, – строго сказал Никита Петрович. – Поедем в моей карете. Как бы чего с тобой не случилось – больно тебя народ не любит! Не противься, матушка! Такова воля государыни-императрицы!

В Ропше уже распорядился Алексей Орлов.

– Принимай, Алёша, бывшего императора! – по-товарищески обратился к нему Архаров.

– Для кого Алёша, а для кого – его высокопревосходительство генерал-майор Алексей Григорьевич Орлов! – надменно ответил уже бывший приятель и небрежно сбросил плащ.

На его мундире грубого, солдатского сукна красовалось золотое генеральское шитье, наскоро пристроченное полковым портным. Николай отметил мгновенную перемену в совсем недавно всегда веселом, разбитном и услужливом сержанте.

– Это, братец Архаров, рескрипт государыни о твоём производстве в подпоручики лейб-гвардии, – важно протянул Орлов футляр с печатью. – Да не забудь, когда в Питер вернешься, получить в Дворцовой канцелярии тысячу рублей за труды. Сейчас надо сесть – перекусить с дороги. Матушка-императрица шесть бочонков коньяка пожаловала. В подвалах вина, да пива аглицкого, до которого Петр Федорович большой охотник, – море разливанное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.